

Вадим Самборский

**Лихолетье. Книга
II. Теплый сентябрь**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
С17

Самборский В. Л.

Лихолетье. Книга II. Теплый сентябрь / В. Л. Самборский —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 398 с.

ISBN 978-5-532-06007-4

Вторая книга цикла романов "Лихолетье" продолжает рассказ о Владимире Горском, который летом 1942 года оказывается в Ленинграде. На этот раз по заданию командования Владимиру предстоит перейти линию фронта и внедриться в разведывательный орган немцев «Абвер». А самое главное - он должен остаться в живых и победить! Читатель переносится на улицы блокадного города, попадает в штрафную роту, сражающуюся на плацдарме под Усть-Тосно, в ПМП на левом берегу Невы, развёрнутом во время боёв по на печально известном Невском пяточке, на аэродром «Люфтваффе» в Сиверской, в лагерь военнопленных и в разведшколу «Абвера». Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-06007-4

© Самборский В. Л., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

Предисловие к циклу романов "Лихолетье"

Прожив долгие годы вдали от родных мест, волею судьбы несколько лет назад мне повезло вернуться домой в Россию. Собственно возвращаться то было не куда, т.к. своей семьи у меня к тому времени уже не было. Моя мама жила в однокомнатной квартире в Невском районе Питера и после смерти отца, через пару тройку лет "пустила" к себе жить одинокого вдового старичка. Стеснять своим присутствием их мне совершенно не хотелось. Николай Петрович, так звали нового маминого мужа, как и мой покойный отец, тоже был из моряков и теперь пребывал на заслуженном пенсионе. Переехав в мамину квартиру, он отдал своё жильё детям, оставив себе для души кусок земли с домом, летней кухней и банькой в садоводстве, расположенном совсем недалеко от ж/д станции Васкелово. На этой даче их новая семья и проводила всё своё свободное время, занимаясь различными садовыми делами.

Правда, в моём активе была половина или, как правильно сказать юридическим языком, одна вторая часть доли в небольшом домике с пристроенным сараем и гарантированными шестью сотками на запущенном земельном участке. Небольшая деревенька находилась совсем рядом с известным всему миру Ладожским озером. Как выяснилось, эта половина деревенского хозяйства уже давно была отписана и должным образом на меня оформлена, о чём было прописано в соответствующей бумаге с гербовой печатью не существующего теперь государства. Дарителями были мои родные дед и бабушка, любимые и почитаемые мною с раннего детства, которые владели этим хозяйством. Вторая половина наследства принадлежала отпрыскам нашего рода, но посещать дом и заниматься на земле им было как-то не досуг. Имея гарантированное место для дальнейшего постоянного проживания, мне пришлось вдоволь "походить" по различным государственным инстанциям и конторам для того, чтобы получить в новенький паспорт гражданина РФ с дву-

главой византийской птицей на обложке штамп о прописке в Ленинградской области и скромную пенсию от своей "богодельни".

Для удобства жизни несколько лет мне пришлось снимать небольшую однокомнатную квартиру в одном из спальных районов Петербурга. Потом случились зимняя автомобильная авария, после которой я буквально чудом остался жив, несколько больничных месяцев проведённых в гипсе и лечении, будничная выписка в середине весны и внезапно наступившая радость жизни. Для полного восстановления организма и сил врачи порекомендовали сменить образ жизни и временно оставить работу. Я, всегда легкий на подъём, быстро собрался и покинул любимый мне город, перевезя за один раз весь свой не хитрый скарб, и стал обживаться в родовом гнезде, не переставая каждый раз удивляться, казалось бы, знакомым с раннего детства порядкам и образу жизни в неизвестной мне отчизне. В тот же год осенью возникла необходимость привести в порядок прохудившуюся от ладожских ветров и уставшую от времени крышу. Для представления полного объёма ремонтных работ я вынужден был забраться на чердак, который длительное время служил кладовой для различных не нужных предметов быта, древней техники времён СССР и ненужных вещей. Одним словом, я обнаружил много интересного и нужного в хозяйстве, начиная от угольного утюга с коромыслом, заканчивая стареньким холодильником "ЗИЛ" и рабочим телевизором "РЕКОРД"! Но самой значимой для меня находкой оказался дедов сундук, который раньше стоял в его комнате и с раннего детства мне запомнился как запретный ларец, куда нам, детям, совать свой вездесущий нос было категорически запрещено! Позднее этот старый сундук был спущен с "небес на землю" и возвращён на своё законное в доме место. При беглом осмотре сундука я обнаружил, что внутри лежали и тщательно сохранялись альбомы с фотографиями, своеобразный семейный архив, документы, зашнурованные папки с бумагами, плотные матерчатые свёртки, перевязанные накрест прочным шпагатом, чертежи каких-то приспособлений и узлов, красивые металлические коробочки из под конфет монпасье и чая, выцветшие старые журналы, и другие на первый взгляд бумажные мелочи. Тут же нашёл альбом со ста-

рыми пластинками, вытащив одну из них и подсвечивая себе лучом фонаря, я с удивлением прочитал, что было написано на этикетке – "Наркоммаш СССР, Ногинский завод, 1946 год, "РАССТАВАНИЕ", Джаз-оркестр под управлением Цфасмана, соло Михайлова...". На дне сундука хранилась и потёртая коробка с небольшим патефоном. Признаюсь, что у меня не сразу дошли руки ещё раз поднять крышку и более детально разобрать содержимое этого "ларчика". Лишь спустя время, в один из тёмных зимних дней, мне удалось тщательно просмотреть всё содержимое этого, хранящего семейные тайны, сундука. Среди прочих вещей извлёк из недр сундука большую картонную коробку, в которой среди бумаг нашёл прилично затёртую книжку Джека Лондона в переводе Горфинкеля ещё довоенного издания, подписанную красавице Марии в августе сорок второго года. В той же коробке нашлось дедово письмо, написанное им незадолго до смерти и адресованное лично мне, которое я сразу же убрал в нагрудный карман своей рубашки. Это письмо лежало поверх нескольких канцелярских тетрадей, открыв и прочитав пару страниц одной из которых, я сразу же понял, что это записки-воспоминания, написанные моим дедом в разное время жизни...

Забросив на время свою ревизию, я не удержался и сразу же раскрыл лежащую под тетрадками металлическую коробку из-под привозных заграничных конфет, в которой оказались награды. Сел на бревно чердачной лаги и, подсвечивая себе фонариком, стал рассматривать немного потускневшие от времени ордена и медали. С детства знал, что мои дед Володя и бабушка Мария принимали активное участие в той страшной войне, унёсшей миллионы жизней, но то, что оба были не раз награждены, в тот день я узнал впервые. В семье было не принято говорить о войне, которая своим безжалостным катком жестоко прошла по родным и близким мне людям. Штапованные юбилейные медали рассматривать не захотел и отложил их отдельно. Из наград военной поры разглядел две победные медали, две медали "За оборону Ленинграда", медаль "За Отвагу" на старой прямоугольной колодке с затёртой красной лентой и три ордена "Красная Звезда", и простенькая, на первый взгляд, медаль "За взятие Берлина". Орден "Красное Знамя", лежащий вме-

сте с удостоверением на имя деда, был заключён в небольшую прямоугольную коробочку красного цвета размером не больше ладони. Почему-то этот орден был вручён только в шестьдесят восьмом году. Но больше всего я проникся, когда в мои руки попала партизанская медаль первой степени и орден "Отечественная война" тоже первой степени. Причём этот орден с помощью кольца был подвешен к прямоугольной колодке с красной лентой. Судя по номерам, выбитым на реверсе наград, "Отечка" и "Отвага" были получены в первые два года войны, когда наградами особо не баловали! Также в руки попались три знака, на которые я тоже обратил своё внимание – это были "Отличник санитарной службы", сильно потёртый и явно довоенный "Отличник РККА" и более поздний, говорящий о многом, знак "50 лет ВЧК-КГБ СССР". Первые два знака в начале сороковых годов ценились не меньше, чем медали. Третий знак, видимо, был вручён деду вместе с "боевиком", когда мне было меньше года от рождения, и навивал в моей голове определённые мысли, догадки и предположения. В этой же коробке лежала потемневшая от времени серебряная табличка-ромб с гравировкой, на которой читалась фамилия деда и дарственная надпись. Прочитав внизу таблички подпись того, кто был дарителем, немало удивился – им оказался знаменитый Лев Захарович! Мехлис!

Зимними днями и вечерами, когда у деревенского жителя бывает много свободного времени, я разбирал бумаги этого своеобразного семейного архива, смотрел фотографии и читал рукописные записки-воспоминания моего деда. Для себя узнал много нового и о том времени и о той войне, которую нынешняя молодежь уже начала немного забывать. Записки из некоторых тетрадей я, как сумел, отредактировал, переписал, дополнил различными справочными данными, кое-что домыслил и теперь решился представить на суд читателя, ведя повествование от первого лица.

Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Часть I. Тропинка к логову зверя

Глава 1. Вступление

Мне повезло! Уже в который раз за последние несколько лет я смог выбраться из лап костлявой старухи с её смертной косой и остаться в живых. В последний раз безжалостная военная судьба мне улыбнулась после того как немцы, озлобленные нахальным налётом на склад артиллерийских боеприпасов, в середине мая сорок второго в пух и прах раздолбали наш партизанский отряд. Мы, несколько человек, с боем пробились через плотное кольцо, устроенное отряду егерями и, после нескольких дней мытарств по болотам и бескрайним лесным массивам Западной Белоруссии, добрались до соседнего партизанского отряда, из которого, опять же по воле случая, нас отправили транспортным самолётом на Большую землю. Оказавшись в подмосковном госпитале, я оправился от полученного ранения, пошёл на поправку и уже готовился снова отправиться на войну, как вдруг оказался под пристальным вниманием со стороны наших карающих органов, представители которых увидели в моей скромной персоне скрытого, умело замаскированного предателя и вражеского агента...

Неожиданно, после выпавших на мою долю допросов и мытарств, дело было прекращено и меня полностью реабилитировали. За время лечения и последующей проверки дотошными работниками особого отдела крови выпито было предостаточно – если всё посчитать, то приличное ведро, заполненное до краёв, точно! Сначала вели допросы в палате для выздоравливающих, после улучшения состояния здоровья, меня переселили в отдельную палату и несколько недель я был под охраной. Несмотря на то, что ослабленный организм ещё не полностью оправился от ранения, меня постоянно таскали в отдельный кабинет на беседы, которые больше походили на многочасовые допросы. Мне были предъявлены убийные обвинения – предательство, клевета и ещё многое другое, за что в

военное время приговор суда железно гарантировал стенку. Следователи неоднократно делали мне самые не двусмысленные намёки и предложения, предлагая в лучшем варианте срок заключения в виде пятнашки лагерей, а самом худшем варианте расстрельный взвод в самое ближайшее время должен был "намазать" мой лоб своей "лекарственной зелёнкой"! Но я, более двух лет назад, в полной мере испытавший "общение" с этой братией, упорно отказывался ставить свои подписи на их хитро составленные протоколы, не поддавался на провокации, всячески отвергая все обвинения в свой адрес, и верил, что правда возьмёт верх. Видимо там, на небесах, кто-то за меня сильно молился, и судьба в очередной раз мне благоволила — в конечном итоге наши карающие органы во всём разобрались, и за полным отсутствием состава преступления дело было прекращено. Меня, к неудовольствию отдельных товарищей, бдительных сверх меры, полностью оправдали (уже во второй раз!), повысили в воинском звании, возвратили на службу и даже представили к правительственной награде.

Следователь, который вёл моё запутанное дело, оказался настоящим чекистом и порядочным мужиком, потому что смог поверить моим "невероятным рассказам и байкам", воспринимаемым другими его коллегами, не иначе как какой-то не реальный бред. Этот "следак", больше похожий на школьного учителя, чем на чекиста, всё основательно записал, изучил и даже разослал запросы. Ему многое удалось выяснить о моём пребывании в 17-м Брестском пограничном отряде перед самым началом вражеского вторжения, первом дне начала войны и о моей более поздней борьбе с фашистами в партизанском отряде в лесах Западной Белоруссии. Следователь нашёл документальное подтверждение многим моим словам почти с самого начала нашей партизанщины, которая началась с конца лета сорок первого года и практически до дня полного разгрома отряда в мае сорок второго года. Тогда, в тихую весеннюю ночь с 10-го на 11-е мая, отряд окружили каратели и после многочасового боя он перестал существовать как боевая единица, за исключением нескольких израненных бойцов и меня, командира отряда, которым удалось пробиться через плотное вражеское кольцо

и выжить. Мы отсиделись на болоте, кое-как смогли перевязать свои раны и добраться до соседнего партизанского отряда, откуда спустя несколько дней транспортным "Дугласом" были доставлены на аэродром на Большой земле, откуда сразу же по прилёту вместе с другими ранеными были отправлены на лечение по тыловым госпиталям. Прилёт самолёта в глубокий тыл партизаны давно ждали, но для нас он оказался просто подарком судьбы! Всё изложенное мною было отправлено этим дотошным следователем в Штаб партизанского движения, в разведывательный отдел РККА, Управление НКВД и в другие менее значимые Наркоматы...

Как сейчас помню одну из наших "бесед" с этим человеком:

Ты пойми! отбросив все присущие работникам этого ведомства фамильярности и нарушая инструкцию ведения допроса, говорил мне следователь. Есть чётко прописанная процедура по проверке всех лиц, находившихся во вражеском плену или на временно оккупированных наших территориях на предмет сотрудничества с фашистскими спец.службами. Такая проверка по времени может занимать от нескольких недель до нескольких месяцев. Твой случай особый! И я пока не располагаю данными, что вы были перед самым началом войны на территории Брестской области и в самом городе Брест, где якобы выполняли задания нашего ведомства. Нет никаких документов, подтверждающих, что вы встретили врага 22 июня 1941 года на одной из пограничных застав 17-го Брестского ПО, принимали участие в боях в составе этой пограничной заставы, а затем после соответствующего приказа отошли с линии границы и далее отступали с нашими частями вглубь страны. Как и нет подтверждения тому, что вы воевали в составе сводного пограничного полка, попали в окружение, оказались на временно оккупированной врагом территории и стали заниматься диверсиями в немецком тылу. Более того у меня нет никаких данных о том, что вы были в партизанском отряде, возглавили этот отряд, состоящий из таких же как вы "окруженцев", гражданских лиц и пленных красноармейцев. Отсутствуют какие бы-то ни было сведения, подтверждающие что ваш, якобы отряд вёл полноценные боевые действия в тылу немецкой армии и наносил врагу большой урон.

Немецкое командование оценило наши головы и назначало за них большую денежную награду в рейхсмарках! Это же можно проверить... Их листовки, думаю, до сих пор развешаны по деревьям на всех столбах и плетнях. Через соседний отряд мы регулярно отправляли на Большую землю разведданные и свои отчёты о проделанной работе! В конце концов, есть же свидетели! Расспросите доставленных самолётом вместе со мной партизан. В тыл нас вывезли вместе с другими ранеными. Или вы гражданин следователь, сейчас скажете мне, что делать вам больше нечего, как кого-то или что-то искать в этой военной неразберихе? перебиваю следователя.

На сегодняшний день это только ваши слова, и я могу сказать только одно – ваш непосредственный начальник капитан ГБ Краевский Александр Иванович пропал без вести 22 июня 1941 года. О его судьбе ничего не известно. Пограничники пока тоже молчат – ответа нет. На мой запрос, отправленный в Штаб партизанского движения, пришёл лаконичный ответ, что они о вашем отряде не знают! Как и не знают и о том, какие боевые действия в немецком тылу вы вели. По их данным такой партизанский отряд в списках Штаба никогда не значился! выслушав мои аргументы, следователь спокойно продолжает разговор дальше. В подтверждение своих слов он показывает рукой на лежащий перед ним листок с машинописным текстом: Отсюда следует, что всё вами ранее сказанное, подтвердить никто не может. И я не знаю, чем вы на самом деле занимались в Западной Белоруссии почти год. Но я буду проверять всё, что вы написали мне здесь своей рукой. Вас, гражданин Горский, пока спасает только то, что вы и нескольких раненых бойцов сюда были доставлены нашим транспортником, как вы говорите, на Большую землю. Я вам обещаю, что лично опрошу экипаж "извозчика", постараюсь разыскать и допросить всех раненных, которые вместе с вами были доставлены тем рейсом в наш тыл.

Я тогда в первый раз услышал слово "воздушный извозчик", которым следователь назвал тихоходный транспортный самолёт...

Товари... извините, гражданин следователь, разрешите мне ещё раз рассказать и дополнить один эпизод из нашей боевой деятельности? спрашиваю разрешения у следователя.